

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

ОБРАЗЫ
СОВРЕМЕНА

Михаил Юрьевич Лермонтов

**Песня про царя Ивана
Васильевича, молодого
опричника и удалого купца
Калашникова
(Поэмы)**

Содержание

#1	0005
I0006
II0014
III0024
Примечания0035

**Михаил Юрьевич Лермонтов
Песня про царя Ивана
Васильевича, молодого
опричника и удалого купца
Калашникова**

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!

*Про тебя нашу песню сложили
мы,*

*Про твоего любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;*

*Мы сложили ее на старинный
лад,*

*Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.*

*Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский*

*Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая*

Поднесла нам на блюде серебряном

Полотенцо новое, шелком шитое.

*Угощали нас три дня, три ночи,
И всё слушали – не наслушались.*

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом
венце,
Сидит грозный царь Иван Васи-
льевич.

Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствии свое и веселие.

Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славил.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты
небес

На младого голубя сизокрылого,
—

Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул пал-
кою,

И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком —

Да не вздрогнул и тут молодой
боец.

Вот промолвил царь слово гроз-
ное, —

И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кири-
беевич,

Аль ты думу затаил нечестивую?

Али славе нашей завидуешь?

Али служба тебе честная приску-
чила?

Когда всходит месяц – звезды ра-
дуются,

Что светлей им гулять по
поднебесью;

А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых
И семьею ты вскормлен Малютин-
ной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Василье-
вич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную – не запотчевать!
А прогневал я тебя – воля цар-
ская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонит-
ся».

И сказал ему царь Иван Василье-
вич:
«Да об чем тебе молодцу кручи-
ниться?
Не истерся ли твой парчевой каф-

тан?

Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?

Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованый?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная

Ни в боярском роду, ни в купеческом;

Аргамак мой степной ходит весело;

Как стекло горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей милостью

Мы не хуже другого нарядимся.»

«Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархат-

ную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,
И любят, глядя, перешепты-
ваясь;
Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывает-
ся...»

«На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:
Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубуш-
ка;
Молвит слово – соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитрев-
ной.»

«Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православ-
ный царь,
Одному по свету маяться.
Опустыли мне кони легкие,
Опустыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?
Перед кем покажу удальство
свое?
Перед кем я нарядом похваста-
юсь?
Отпусти меня в степи приволж-
ские,
На житье на вольное, на казац-
кое.
Уж сложу я там буйную головуш-
ку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаро-
вья
Коня доброго, саблю острую
И седельцо браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклю-
ет,

Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется...»

И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой
яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитриевне:
Как полюбишься – праздную свадьбу,
Не полюбишься – не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Первенчана с молодым купцом

*По закону нашему христианско-
му...*

** * **

*Ай, ребята, пойте – только гусли
стройте!*

*Ай, ребята, пейте – дело разуме-
йте!*

*Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!*

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,

*И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.*

*И приходит он в свой высокий
дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.*

*И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алёна Дмит-
ревна?
А что детки мои любезные —
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»*

*«Господин ты мой, Степан Парамонович!
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна
Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой по-
падьей,*

Засветили свечу, сели ужинать,

—
*А по сию пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернула-
ся.*

*А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть по-
шли —
Плачем плачут, всё не унимают-
ся».*

*И смутился тогда думой креп-
кою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу*

—
*А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстиляется,
Замечает след человеческий.*

*Вот он слышит в сенях дверью
хлопнули,
Потом слышит шаги торопли-
вые;
Обернулся, глядит – сила крест-
ная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,*

Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безум-
ные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шатала-
ся?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками всё боярскими?..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запрю я тебя за железный за-
мок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не виде-
ла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышав то, Алёна Дмитриевна
Задрожала вся моя голубушка,
Затряслась, как листочек осино-
вый,
Горько-горько она восплакалась,

В ноги мужу повалилася.

*«Государь ты мой, красно сол-
нышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютая,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.»*

*«От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег
хрустит;
Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шопо-
том:
Что пужаешься, красная красави-
ца?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного.
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малюти-
ной...»*

Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная голо-
вушка.

И он стал меня целовать-лас-
кать,

И цалуя всё приговаривал:

«Отвечай мне, чего тебе надобно,

Моя милая, драгоценная!

Хочешь золота али жемчугу?

Хочешь ярких камней аль цвет-
ной парчи?

Как царицу я наряжу тебя,

Станут все тебе завидовать,

Лишь не дай мне умереть смер-
тью грешною:

Полюби меня, обними меня

Хоть единый раз на прощание!»

«И ласкал он меня, цаловал меня;

На щеках моих и теперь горят,

Живым пламенем разливаются

Поцалуи его окаянные...

А смотрели в калитку соседушки,

Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...»

«Как из рук его я рванулася

И домой стремглав бежать бро-

силась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок – твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?»

«Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонке пропал без вести,
А меньшей мой брат – дитя малое,

Дитя малое, неразумное...»

*Говорила так Алёна Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.*

*Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонились,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»*

*«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный*

бой

На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послед-
них сил;

А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,
К нему малые орлята слетают-
ся:

Ты наш старший брат, нам вто-
рой отец;
Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,
А уж мы тебя родного не выда-
дим».

*Ай, ребята, пойте – только гусли
стройте!*

*Ай, ребята, пейте – дело разумеи-
те!*

*Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!*

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?
На какой ты радости разыгралась?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,

Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебря-
ную,
Чистым золотом в кольцах спа-
янную.

Оцепили место в 25 сажень,
Для охотницкого бою, одиночно-
го.

И велел тогда царь Иван Василье-
вич

Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего ба-
тюшку!

Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь на-
градит,
А кто будет побит, тому бог про-
стит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бар-
хатную,

Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич проклика-

ли —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потал-
кивают.

На просторе опричник похажива-
ет,
Над плохими бойцами подсмеива-
ет:
«Присмирели, небойсь, призадума-
лись!
Так и быть, обещаюсь, для празд-
ника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего ба-
тюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе сто-
роны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозно-
му,
После белому Кремлю да святым
церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,

На опричника смотрят пристально.

Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду
служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду
петь,

И не позже, как завтра в час полу-
денный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей сме-
шить
К тебе вышел я теперь, бусурман-
ский сын,
Вышел я на страшный бой, на по-
следний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний
снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал
мороз,
На раскрытых устах слово замер-
ло...

Вот молча оба расходятся,
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашни-
кова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,

Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и случится;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал за́мертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Василье-

вич
Прогневался гневом, топнул о
землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова куп-
ца
И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный
царь:
«Отвечай мне по правде, по сове-
сти,
Вольной волею или нехотя,
Ты убил на смерть мово верного
слугу,
Мово лучшего бойца Кирибееви-
ча?»

«Я скажу тебе, православный
царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что – не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить – и на
плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,

Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совети.

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же
дня

По всему царству русскому широ-
кому
Торговать безданно, беспошлин-
но.

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наост-
рить,

Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу зво-
нить,

Чтобы знали все люди москов-
ские,

Что и ты не оставлен моей ми-
лостью...»

Как на площади народ собирает-
ся,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недоб-
рую.
По высокому месту лобному,
Во рубахе красной с яркой запон-
кой,
С большим топором наострены-
м,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощает-
ся:

«Уж вы, братцы мои, други кров-
ные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне
Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не ска-
зывать.
Поклонитесь дому родительско-
му,

Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церкви божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покати́лася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж тульской, рязанской,
владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли.
И гуляют шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек – перекре-
стится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песен-

ку.

* * *

*Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали – красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-
дайте.
Тароватому боярину слава!
И красавице-боярыне слава!
И всему народу христианскому
слава!*

Примечания

Печатается по «Стихотворениям М. Лермонтова», СПб., 1840, стр. 1—31.

Стихи

*Вот об землю царь стукнул пал-
кою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком —
Да не вздрогнул и тут молодой
боец.*

ошибочно пропущенные при наборе, восстановлены по «Литературным прибавлениям к Русскому инвалиду» (1838, № 18, 30 апреля, стр. 344—347), где поэма была впервые опубликована за подписью «—въ» (в общем оглавлении «М. Ю. Лермонтов»).

В издании «Стихотворений М. Лермонтова» имеются искажения, исправленные по тексту «Лит. прибавл. к Русск. инвалиду»:

в изд. «Стихотворений» – в скобочках даны варианты в настоящем издании:

*три дня (три дни)
на дворе (подворье)*

*на обе (в обе)
света (свету)*

Автограф не известен.

Текст «Стихотворений» 1840 г. отличается от первопечатного некоторой нивелировкой орфографии: «разделят» вместо «разделют», «ходят» вместо «ходят», «смотрят» вместо «смотрют», «нонече» вместо «нониче», «выйду» вместо «выду» и т. д. Эти различия в раздел вариантов не включены.

В «Стихотворениях М. Лермонтова» 1840 года поэма датирована 1837 годом. А. Н. Пыпин, со слов А. А. Краевского, писал: „Песня“ была первое стихотворение, присланное Лермонтовым с Кавказа в 1837 г. Краевскому, издававшему тогда „Литературные прибавления“ (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1873, стр. LI—LII). Возможно, что замысел «Песни» возник несколько раньше, так как А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях относит создание этой поэмы к периоду «до 1837 г.» («Русск. обозрение», 1890, т. IV, стр. 738).

Опубликование поэмы встретило серьезные препятствия. Содержание произведения провозглашало право личности на свободу и

независимость; под пером опального поэта эта идея звучала особенно остро. В начале 1838 года Лермонтов был возвращен из ссылки и переведен с Кавказа в Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгороде. Краевский рассказывал Пыпину, что когда «Песня» была направлена в цензуру, то «цензор нашел совершенно невозможным делом напечатать стихотворение человека, только что сосланного на Кавказ за свой либерализм. Издатель „Прибавлений“ выручил стихотворение только тем, что обратился к Жуковскому, который был в великом восторге от стихотворения Лермонтова, находил, что его непременно надо печатать, и дал г. Краевскому письмо к министру народного просвещения. Уваров нашел, что цензор был прав в своих опасениях, но разрешил печатание на своей ответственности, не позволив, однако, ставить имени Лермонтова, которое было заменено случайными буквами» (Соч. под ред. Ефремова, т. 1, 1873, стр. LI).

Имеется обширная литература о происхождении сюжета, фольклорных источниках и художественных особенностях «Песни» (см.

исследование М. Штокмара, подводящее итоги изучения этого произведения. – «Лит. Наследство», т. 43—44, 1941, стр. 263—352). Сюжет и форма «Песни про царя Ивана Васильевича...» не восходят к какому-либо одному или нескольким определенным произведениям народного творчества и не повторяют их. Белинский высоко оценил поэму, с появлением которой «поэт вошел в царство народности как ее полный властелин и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество» (Белинский, т. 6, стр. 35). Стиль поэмы свидетельствует о близком знакомстве Лермонтова с фольклорным материалом. Самый образ Грозного Лермонтов воссоздает таким, как он сохранился в народно-поэтической традиции. В работах современных исследователей указывается на то, что созданию «Песни» много содействовала дружба Лермонтова с С. А. Равевским, который был «не только горячим поклонником народной поэзии, ценителем ее эстетических качеств, но и энтузиастом – собирателем памятников фольклора» («Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 316). На этот

факт указывал и В. Х. Хохряков, записавший в своих тетрадах, что «по внушению Св. Аф. (т. е. Раевского), втягивавшего Лермонтова в нашу народность, Лермонтов написал, может быть, „Песнь про купца Калашникова“» (ИРЛИ, оп. 4, № 26, тетрадь 2, л. 8).

Белинский подчеркивал, что политический смысл поэмы «свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современною действительностью и перенесшегося от нее в далекое прошедшее, чтоб там искать жизни, которой он не видит в настоящем» (там же, стр. 36).

«Песня про царя Ивана Васильевича» с ее противопоставлением проснувшейся чести горожанина «царской силе самовластия» содержала в себе для современников, по выражению А. В. Луначарского в статье «М. Ю. Лермонтов», «заряд гигантского мятежа» (А. В. Луначарский. Классики русской литературы, Гослитиздат, М., 1937, стр. 187).